

Уложив ребёнка в спальне сына, Цзян Сяохэн радостно остался рядом, а Цзян Жун наконец-то получил возможность заняться Гуань Шао.

Изначально он думал, что слабость Гуань Шао вызвана Чёрным дождём, но, сняв с него мокрую одежду, обнаружил несколько ран на боку и спине. Самая маленькая из них была размером с ладонь, а самая большая достигала длины в чи.

К счастью, все раны были поверхностными, не задев внутренние органы и кости. Чёрный дождь размочил их, сделав бледными, и один только взгляд на них вызывал боль.

Цзян Жун принёс таз с чистой водой и тщательно обтер тело Гуань Шао, удаляя грязь с верхней части тела. После этого он заметил множество шрамов на его теле. Шрамы были как старые, так и новые, что вызвало у Цзян Жуна любопытство: чем же занимается Гуань Шао? У обычного человека не могло быть столько ран.

Гуань Шао был высоким и крупным мужчиной, и очистить его тело было нелегкой задачей, тем более что он сейчас был слаб. Только закончив обтирать верхнюю часть тела, Цзян Жун уже тяжело дышал, на лбу выступили капли пота.

С нижней частью тела дело пошло быстрее, и вскоре он уже надел на Гуань Шао пляжные шорты. Не то чтобы он не хотел тщательно очистить его, просто его силы были на исходе, да и некоторые места... были слишком чувствительными, и продолжать было бы уже невежливо.

Накрыв Гуань Шао тонким одеялом, Цзян Жун глубоко вздохнул, уши его горели.

В этот момент Цзян Сяохэн резко открыл дверь и закричал:

— Папа, маленький братик дёргается! Пойди скорее посмотри!

Судороги? Может быть, из-за лихорадки после дождя? Цзян Жун схватил жаропонижающий пластырь и побежал в спальню Сяохэна. Взглянув, он увидел, что ребёнок спит крепко. Он повернулся к Сяохэну:

— Где он дёргался?

Сяохэн невинно посмотрел на него:

— Маленький братик только что несколько раз пошевелил рукой.

Он показал рукой.

— Вот так, вот так.

Цзян Жун растерялся.

Ему нужно было поговорить с сыном о нормальных реакциях тела во время сна.

Прошло полночи, и только когда Цзян Жун лег в постель, он вспомнил о важной вещи: он оставил ведро у ворот, забыв поставить его под водосточный желоб на восточной стороне.

Ладно, завтра разберусь, он был слишком уставшим.

Ночь прошла без сновидений, и когда Цзян Жун проснулся снова, он всё ещё чувствовал себя вялым. Особенно руки, они были тяжелыми, как будто налитыми свинцом.

Сяохэн вчера засиделся допоздна и, по идее, мог бы поспать подольше. Но, увидев, что папа встал, он тоже сел. Ещё не совсем проснувшись, он сидел на кровати, клевал носом.

Цзян Жун отдернул занавеску и взглянул в окно. Чёрный дождь ещё не прекратился, но по сравнению с вчерашним ливнем, дождь стал слабее. Горы и леса покрылись толстым слоем грязи, выглядели мрачно. Под серым небом всё вокруг было в оттенках серого и чёрного, и один только взгляд на это вызывало подавленность.

Думая о том, что в ближайшие месяцы всё вокруг будет таким же серым и чёрным, Цзян Жун невольно вздохнул.

Потерев ноющие руки, он посмотрел в сторону Маленькой Феи. Чёрный дождь покрыл её тело, превратив изумрудный цвет в неприятный серо-зелёный. Маленькая Фея безжизненно поникла.

Обычно, когда Маленькая Фея видела, что он открывает занавеску, она радостно распускала цветок. Но сегодня она лишь слегка покачалась в его сторону, сбросив часть капель с шипов.

Это было её приветствие.

Увидев, что Маленькая Фея его узнаёт, Цзян Жун успокоился, его догадка была верна. Он вышел из спальни, чтобы проверить, как поживают гости, которые пришли прошлой ночью.

Гуань Шао всё еще спал, у него была небольшая температура, но дыхание и пульс уже нормализовались. Боясь, что раны воспалятся, Цзян Жун снял повязку и осмотрел их. Взгляд его снова удивил и вызвал зависть: страшные раны уже начали заживать, вокруг длинных ран появился светло-коричневый струп.

Оба они попали под Чёрный дождь, но Цзян Жун чувствовал тяжесть в теле, нос был заложен, руки ноющие. А способность Гуань Шао к восстановлению была такой сильной, что Цзян Жун снова почувствовал зависть.

В этот момент за дверью раздался голос Сяохэна:

— Папа, маленький братик проснулся!

Цзян Жун быстро пошёл в комнату Сяохэна, и, как сказал Сяохэн, ребёнок действительно проснулся. Он сидел на краю кровати, безучастно смотря в сторону Цзян Жуна.

Увидев, что ребёнок проснулся, Цзян Жун вздохнул с облегчением. Он замедлил шаг, подошёл к ребёнку и мягко сказал:

— Ты проснулся?

Ребёнок медленно поднял голову и посмотрел на Цзян Жуна, его узкие глаза ясно отражали лицо Цзян Жуна. Увидев его выражение, Цзян Жун вспомнил Лэйлэй из дома Ван Чуньлань. Может быть, этот ребёнок, как и Лэйлэй, стал замкнутым после Великого Кризиса?

Но ситуация с ребёнком отличалась от Лэйлэй. Лэйлэй признавала только Ван Чуньлань и не реагировала на внешние раздражители. А руки ребёнка слегка дрожали, видимо, он был напуган.

Цзян Жун присел на корточки, чтобы быть на одном уровне с ребёнком, и мягко улыбнулся:

— Малыш, не бойся, ты в безопасности. Твой папа в соседней комнате, он ещё не проснулся, но с ним всё в порядке. Если ты понимаешь меня, кивни, хорошо?

Через некоторое время ребёнок медленно кивнул.

Хорошо, что ребёнок просто медленно реагирует, это лучше, чем ситуация с Лэйлэй. Видя, что руки ребёнка всё ещё дрожат, Цзян Жун протянул руку:

— Не бойся, я отведу тебя к папе, хорошо?

Ребёнок посмотрел на ладонь Цзян Жуна и некоторое время молчал. Когда Цзян Жун уже думал, что он откажется, ребёнок медленно поднял руку и положил её в ладонь Цзян Жуна. Цзян Жун мягко улыбнулся и похвалил его:

— Хороший мальчик.

Чтобы ребёнок чувствовал себя в безопасности и мог в любой момент пойти к Гуань Шао, Цзян Жун специально включил свет в комнате. Теперь, днём или ночью, если ребёнок захочет увидеть папу, он сможет сделать это в любой момент.

Однако за день Цзян Жун заметил, что Сяохэн ходил к Гуань Шао чаще, чем этот ребёнок. Даже несколько раз Сяохэн тащил его в комнату.

Большую часть времени ребёнок был безучастен, его глаза блуждали, лицо оставалось без выражения. Он не плакал, когда было грустно, не капризничал, когда был голоден. Кроме еды, он никогда не открывал рот, остальное время его губы были плотно сжаты.

У Цзян Жуна был только опыт ухода за Сяохэном. Сяохэн был активным, заботливым и послушным, он хорошо выражал свои потребности, что создало у Цзян Жуна иллюзию: все дети такие же легкие в уходе, как Сяохэн.

Но с этим ребёнком все методы, которые работали с Сяохэном, оказались бесполезными. За два дня Цзян Жун так и не узнал, как зовут ребёнка, где он живёт и сколько ему лет.

Глядя на безучастное лицо ребёнка, Цзян Жун с досадой вздохнул. Если Гуань Шао не проснётся скоро, то замкнутым станет он сам.

Однако Сяохэн не видел в этом проблемы. Даже если маленький братик не разговаривал, он всё равно мог с ним ладить. Маленький братик был хорошим, будь то просмотр Отряда «Мяу-Мяу» или игра с роботами, он всегда был рядом.

Маленький братик был намного лучше, чем толстяк из детсада. Сяохэн любил играть с ним.

Чёрный дождь шёл день и ночь, и на третий день утром яркое солнце снова взошло.

Как только солнце поднялось, температура на улице быстро повысилась. Остатки дождевой воды испарились, оставив серо-чёрные следы, белый цементный пол превратился в пятнистый серо-чёрный цвет.

Маленькая Фея тоже не избежала этой участи, её зелёное тело покрылось чёрной коркой, на жёлтых шипах остались пятна чёрного цвета. Рано утром она начала шевелить шипами, пытаясь стряхнуть с себя грязь.

Наблюдая за оживающей Маленькой Феей, Цзян Жун почувствовал, что его способность скоро

вернётся.

После окончания Чёрного дождя Цзян Жун наконец набрался смелости и пошёл к своему огороду. Чёрный дождь разрушил навес, который он установил, две из сеток исчезли, а оставшаяся была искривлена и прилипла к земле.

Большинство тщательно выращенных саженцев исчезли, те, что не были смыты, лежали на земле безжизненно. Месяц усилий Цзян Жуна пошёл прахом.

Но его усилия не были полностью напрасны. Если и было что-то радостное, то это то, что один из саженцев перца мутировал. Чёрный дождь не уничтожил его, а, наоборот, сделал его крепче.

<http://bllate.org/book/16638/1524432>